

Эйбел вышел из бара сам не свой, словно в прострации.

Когда кто-то из знакомых окликнул его: «Ну как? Нашел кого-нибудь путного?», он тут же взял себя в руки и уверенно соврал:

— Пустое! Эта «Планета», что выступала сегодня, — полное недоразумение. Ни один нормальный человек с ними контракт не подпишет. Та же «Колесница смерти», только в профиль: дисциплины ноль, на сцене курят, пьют, жрут что попало, ведут себя по-свински. Связаться с ними — это добровольно нажить себе кучу проблем.

Бросив это на ходу, он поспешил скрыться.

Едва завернув за угол, он вытащил сигареты, добежал до ближайшего автомата и дрожащими пальцами набрал номер Дэвиса — временного менеджера «Планеты». Без лишних предисловий Эйбел выпалил:

— Это Эйбел из скаутского отдела «Миксера». Я предлагаю «Планете» контракт.

Что и говорить, Эйбел был чертовски азартным малым.

Если не брать в расчет последние неудачи, в музыкальных кругах он считался фигурой почти легендарной. Выпускник престижного университета, без пяти минут тридцатилетний мужчина, отдавший этой индустрии семь лет жизни.

Первые четыре года карьеры его чутье работало без осечек. Эйбел хватал будущих звезд прямо из сырых подвалов, подписывал их безжалостно и быстро, принося компании горы фунтов стерлингов. Боссы в нем души не чаяли.

Но фарт — штука капризная. Последние три года дела не шли. Он словно выдохся, и новые таланты обходили его стороной.

За спиной зашептались: мол, старине Эйбелу пора на свалку истории, его вкус безнадежно устарел, и в меняющемся мире рок-н-ролла ему больше делать нечего.

Пытаясь утереть нос критикам и вернуть былой статус, он из кожи вон лез, чтобы заполучить «Колесницу смерти». Это должен был быть его триумфальный камбэк.

Увы, госпожа Удача повернулась к нему задом. «Колесница смерти» оправдала свое название и утянула его карьеру прямиком на кладбище.

Полнейший крах. Вдобавок по офису поползли слухи, что в следующем году руководство планирует сокращение штата. Хуже не придумаешь.

Оказавшись в такой глубокой яме, обычный человек затаился бы, тихо протирал штаны в кабинете и молился, лишь бы его не уволили.

Но только не Эйбел. Тот, кто привык купаться в лучах славы, не станет мириться с прозябанием на обочине. Он готов был поставить на кон всё, рискнуть последним, но не уходить побежденным. И теперь «Планета» стала его спасительной соломинкой.

К тому моменту, как он закончил разговор с Дэвисом, стрелки часов перевалили за три ночи.

Но Эйбел даже не подумал поехать спать. Вместо этого он завел мотор, рванул к особняку своего генерального директора и бесцеремонно зажал кнопку дверного звонка.

— Это мой последний шанс! — отчеканил Эйбел прямо в лицо сонному боссу, который стоял на пороге в шелковой пижаме и недоуменно протирал глаза. — Дайте мне выбить для них лучшие условия, какие только может предложить «Миксер», и я гарантирую вам главный прорыв года! А если прогорю — даже не тратьте время на приказ об увольнении, я сам соберу вещи.

Быть может, сыграли роль былые заслуги, а может, директор все еще помнил, каким блестящим чутьем обладал Эйбел в свои лучшие годы. Так или иначе, безумный напор подчиненного возымел действие. Директор сдался и решил дать ему последнюю попытку.

Эйбел получил карт-бланш.

Уже на следующий день под контрактом с рок-группой «Планета» стояли официальные подписи.

Всё произошло настолько молниеносно, что у непосвященных голова пошла бы кругом. Настоящий блицкриг, разыгранный как по нотам.

Позже в прессе станут писать, будто Эйбел совершил чудо, откопав непризнанных гениев в занюханном пабе. Но правда была куда прозаичнее: это Ланс выбрал Эйбела. И вот почему:

— Для любого другого лейбла мы просто очередная сделка, которой в случае чего можно легко пожертвовать, — рассуждал Ланс. — Но для Эйбела, потерявшего почти всё, мы — единственный и последний козырь в рукаве. Он костями ляжет, но вытащит нас наверх. К тому же его условия действительно чертовски хороши.

Сделка состоялась. Партнеры ударили по рукам, довольные друг другом.

Впрочем, до абсолютной идиллии было еще далеко. Это было лишь началом долгого пути, впереди их ждала неизбежная притирка характеров и куча организационных проблем.

Хотя Эйбел и делал на парней огромную ставку, их внешний вид вызывал у него глубокое уныние. При первой же серьезной встрече он в лоб спросил:

— Джентльмены, у вас вообще есть концепция собственного стиля? Кто вы такие на сцене?

Джеймс, Болдуин и Тео переглянулись в полном недоумении. Они-то ждали профессионального разговора об аранжировках и записи, а тут — допрос о шмотках. Наступила неловкая тишина.

И только Ланс вальяжно откинулся на спинку стула и загнул три пальца:

— Красавчик, гений и гитарист.

В изумрудных глазах Джеймса тут же вспыхнуло привычное, безграничное обожание.

Эйбел долго молчал, переваривая услышанное, но спорить не стал.

Спускать дело на тормозах он, однако, не собирался. В мире шоу-бизнеса визуальный образ важен не меньше, чем удачный припев. Чтобы пробиться к вершинам хит-парадов, группа обязана иметь узнаваемое лицо — цельный, гармоничный концепт.

У «Планеты» же с этим творился полнейший хаос.

Один только Ланс выглядел безупречно: классический британский шик, дорогие рубашки, идеально сидящие пиджаки и пальто. Он единственный понимал важность самопрезентации.

Остальные же напоминали бродячий цирк. Барабанщик Болдуин вечно кутался в какие-то безразмерные балахоны, висевшие на нем мешком, а его нечесаная шевелюра и дремучая борода доводили Эйбела до нервной дрожи.

Басист Тео ударился в дикий, нелепый панк: соорудил на голове колючий ирокез, натянул рваные джинсы и увешался звенящими цепями. Чистый хулиган из подворотни.

Что касается вокалиста Джеймса, то у него чувство вкуса отсутствовало напрочь. Парень натягивал первое, что вываливалось из шкафа. На сцене под софитами это еще как-то сходило за небрежный рок-н-рольный шик, но при обычном свете дня Джимми выглядел замученным и забавным, как соседский недотепа.

Эйбел понял, что дискутировать бесполезно. Он за счет компании нанял профессионального стилиста, чтобы тот вылепил из этого винегрета приличный бой-бэнд.

И тут взбунтовался даже обычно покладистый Джеймс. Дело в том, что стилист предложил одеть их в одинаковые строгие костюмы, подстричь под горшок и сделать из них точную копию ранних «Битлз».

— Послушай, Эйбел, — первым подал голос Джеймс. Он старался говорить вежливо, чтобы не испортить отношения в первый же день работы, но твердость в его голосе так и сквозила: — Я боготворю «Битлз». Серьезно, если бы Джон Леннон сейчас вошел сюда, я бы на коленях за ним ползал, ботинки ему целовал ради автографа. Но делать из меня его копию? Ну уж нет. Всё очень просто: он — Леннон, а я — Джимми из «Планеты». Мы разные, и никто из нас не должен притворяться кем-то другим. Понимаешь?

Эйбел так и присел от неожиданности.

Наверное, сляпывая «Гнилая клубника» сбивала его с толку. На прослушивании Джимми пел так нежно и сладко, что Эйбел заочно записал его в очаровательные поп-игрушки, эдакого наивного златокудрого ангелочка.

Как же он ошибался.

За этой простодушной мордашкой скрывался поразительно зрелый, острый ум. И упрямства с гордостью в этом парне было ничуть не меньше, чем в Лансе. Просто Джимми умел до поры до времени держать когти при себе.

Эйбел во все глаза уставился на юного вокалиста. Самое забавное, что строптивость подопечного не вызвала у него злости. Напротив, продюсер ощутил азарт старателя, нащупавшего в груди пустой породы чистейший алмаз.

Он прекрасно понимал: смазливая пустышка привлечет внимание публики от силы на пару недель, но по-настоящему легендарными становятся лишь те, у кого есть стержень и живая, бунтующая душа.

Пойдя на попятную, Эйбел отказался от идеи инкубаторских костюмов. Однако настоял на том, чтобы каждый из них поработал со стилистом индивидуально и привел прическу и гардероб в божеский вид.

Было лишь два пункта, в которых он остался непреклонен:

Во-первых, Болдуину разрешили оставить длину волос, но обязали собирать их в аккуратный хвост, а бороду сбрить начисто. Во-вторых, Тео должен снять свои шипы и цепи. «Планета» играла далеко не хеви-метал, и его прикид уличного анархиста напрочь рушил общую концепцию.

Тео без лишних споров пожал плечами. Он был молод, чертовски недурен собой, и любой образ

сидел на нем как влитой. Панковал он просто ради забавы, так что сменить шкуры для него не составляло труда.

Что касается Болдуина, то он, будучи человеком мягким и безумно дорожившим шансом вырваться из безвестности, безропотно согласился расстаться с растительностью на лице.

За год знакомства Джеймс впервые увидел истинное лицо своего барабанщика.

И под этой дремучей щетиной скрывался на удивление симпатичный парень! Правда, без своей привычной маски Болдуин оказался жутко робким и то и дело заливался краской по самые уши. Теперь любой пустяк заставлял его смущаться — казалось, он всерьез вознамерился побить мировой рекорд по частоте покраснения щек.

— Как-то непривычно, да? — смущенно пробормотал он, то и дело потирая гладкий подбородок.

— Какое там! — наперебой закричали парни.

Даже обычно язвительный Тео выдал комплимент:

— Слушай, Болдуин, теперь я хотя бы верю, что тебе нет тридцати.

Тот моментально вспыхнул до корней волос и тихонько кашлянул:

— Вообще-то мне двадцать шестой пошел.

Когда стилисты наконец закончили свою работу и парни, переодевшись в новые шмотки, выстроились в ряд...

Эйбел едва челюсть не потерял.

«Матерь божья, — пронеслось у него в голове, — да я сорвал джекпот! Эти черти краше любых моделей из каталогов!»

Такую роскошную фактуру грех было не использовать. Он тут же набрал номер лучшего модного фотографа — пора было делать промо-кадры, постеры и обложки.

Если честно, вся эта суета вокруг тряпок и причесок музыкантам уже поперек горла стояла. Они хотели играть рок, а не позировать перед камерами, как смазливые девицы. Студия — вот где была их настоящая жизнь.

Парни насели на Эйбела с требованием наконец-то заняться делом.

И спустя пару дней продюсер сдался — двери профессиональной звукозаписывающей студии наконец распахнулись перед ними.

Дебютным треком, за который они взялись, стала та самая «Гнилая клубника».

Идея, разумеется, принадлежала Эйбелу, и музыканты от нее были не в восторге. Он настаивал, что для затравки нужно выпустить именно этот сингл.

Группа сопротивлялась как могла. Им куда больше нравились «Расстанься с ним» и «Африканский буйвол». В первой была сложнейшая гитарная партия, позволяющая развернуться Лансу и показать класс, а вторая буквально сносила крышу своим диким, первобытным напором.

«Гнилая клубника» на их фоне казалась детским лепетом. Ланс набросал ее на коленке просто для того, чтобы подразнить или развлечь своего вокалиста. Никакой музыкальной глубины или виртуозных соло в ней не было и в помине. Простая, прилипчивая поп-песенка, которую легко напевать под нос. Несерьезная, не крутая, лишенная какого-либо глубокого подтекста.

Но Эйбел уперся рогами. Черт его знает, что он там расслышал, но продюсер твердил, что этот трек — идеальный радиформат.

— Вот увидите, эта штучка влетит в топ-20 национального чарта! — авторитетно заявлял он.

В те времена пробиться в двадцатку лучших без мощной ротации на радио было сродни чуду. Хит-парады ценились на вес золота. Музыканты, будучи еще совсем зелеными новичками в шоу-бизнесе, лишь скептически переглянулись, но спорить не стали.

Для записи дебютного сингла Эйбел нанял авторитетного саунд-продюсера, который должен был рулить процессом за пультом.

От парней требовалось лишь беспрекословно выполнять его команды. «Сыграйте этот квадрат еще раз. Джимми, давай заново припев. Еще раз. И еще». Бесконечный, изматывающий конвейер.

Первые пару часов все выкладывались по полной, но монотонная рутина быстро притупила запал. Внимание рассеивалось, пальцы каменели.

На третий день мучений Джеймс окончательно выдохся. Под конец смены он уже пел на автомате, витая мыслями где-то далеко от душной кабины звукозаписи...

И вдруг из динамика раздался щелчок, и голос продюсера лениво произнес:

— Снято. На сегодня свободны.

— Как всё? — испугался Джеймс. Внутри него шевельнулось нехорошее предчувствие: он ведь откровенно халтурил последние полчаса. Выскочив из кабинки, он подбежал к пульту: — Слушай, может, перепишем последний кусок? Я сбился с ритма под конец, спел как полная лажа.

Продюсер лишь снисходительно усмехнулся и похлопал его по плечу:

— Расслабься, парень. Моя работа — полировать дерьмо до зеркального блеска. Выйдет конфетка.

<http://bllate.org/book/19389/1999607>